

ЛИЧНОСТНЫЕ СМЫСЛЫ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

УДК 159.9

Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева

А.Г. Асмолов¹, Е.В. Битюцкая^{✉1}, Б.С. Братусь^{1,2}, Д.А. Леонтьев¹,
Д.В. Ушаков^{1,3}

- ¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
- ² Российский православный университет святого Иоанна Богослова, Москва, Российская Федерация
- ³ Институт психологии РАН, Москва, Российская Федерация

✉ bityutskaya_ew@mail.ru

Резюме

Актуальность. Статья приурочена к 120-летию со дня рождения классика мировой психологии Алексея Николаевича Леонтьева. Юбилей основателя научной школы и факультета психологии стал для авторов этой статьи значимым поводом рефлексии «задачи на смысл» о личности Леонтьева, его теории и ее современных воплощений.

Цель статьи — научная рефлексия значения личности А.Н. Леонтьева и его общепсихологической теории деятельности для современной психологической науки; репрезентация смыслов юбилейного выпуска журнала «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология».

Результаты. «Поле смыслов», связанных с А.Н. Леонтьевым, раскрывается через анализ культурно-исторического, жизненного и научного контекстов. Выделены взаимосвязанные линии деятельности А.Н. Леонтьева: *научная* (разработка фундаментальной теории, предполагающей целостное представление о человеке), *социальная* (воспроизводство среды интеллигентов) и связанная с этим *эмоциональная* сторона (создание своеобразного «поля напряжения», которое притягивало людей к этой интеллектуальной среде и порождало особую университетскую атмосферу свободы и новых разнообразных идей на факультете психологии МГУ). Показаны переключки теории деятельности с современными научными представлениями.

Выводы. Подход А.Н. Леонтьева является полисемантическим, переключаясь с рядом подходов более позднего времени. Возможно, этим объясняется

множественность его интерпретаций в современных контекстах психологической науки. Он сохраняет свою значимость как ресурс ответов на вопросы, которые ставятся психологией сегодня, через много десятилетий после ухода его создателя.

Ключевые слова: теория деятельности А.Н. Леонтьева, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, деятельность, сознание, личность, образ мира, значение, личностный смысл.

Для цитирования: Асмолов А.Г., Битюцкая Е.В., Братусь Б.С., Леонтьев Д.А., Ушаков Д.В. Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

PERSONAL MEANINGS

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

Dialogues on/in the field of meanings: to the 120th anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev

Alexander G. Asmolov¹, Ekaterina V. Bityutskaya^{✉1}, Boris S. Bratus^{1,2}, Dmitry A. Leontiev¹, Dmitry V. Ushakov^{1,3}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Russian Orthodox University of St. John the Theologian, Moscow, Russian Federation

³ Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ bityutskaya_ew@mail.ru

Abstract

Background. The paper is associated with the 120th anniversary of the birth of Alexey Nikolaevich Leontiev, acknowledged classic of the world psychology. This anniversary of the founder of a scientific school in psychology and of the department of psychology at Moscow State University has given rise to reflections on the “task for meaning” of Leontiev’s personality, his theory and its modern implementations.

Objective. The study is a professional reflection on the importance of A.N. Leontiev's personality and his activity theory approach for the psychological science of these days as well as the explication of meanings implied in the special thematic issue of this journal.

Results. "The field of meanings" associated with A.N. Leontiev is being revealed through the analysis of cultural-historical, life and scientific contexts. The intertwined lines of A.N. Leontiev's life activity are singled out: the scientific one (a fundamental theory, suggesting a holistic concept of human being), the social one (restoring intellectual environment), and the closely connected to the latter, emotional one (creating a specific "field of tension" which attracted colleagues toward this intellectual environment and generated a specific university atmosphere of freedom and diverse new ideas at the department of psychology at MSU. Dialogues and interactions of the activity theory approach with some theoretical approaches of our days are explicated.

Conclusion. Having much in common with more recent approaches, A.N. Leontiev's approach is a polisemantic one. This fact may serve as an explanation to the plurality of its interpretations in the present-day contexts within psychological science. The approach remains a significant resource of answers to the questions posed in psychology today, many decades after its creator passed.

Keywords: A.N. Leontiev's activity theory, department of psychology at Lomonosov Moscow State University, activity, consciousness, personality, image of the world, meaning, personal meaning.

For citation: Asmolv, A.G., Bityutskaya, E.V., Bratus, B.S., Leontiev, D.A., Ushakov, D.V. (2023). Dialogues on/in the field of meanings: to the 120th anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev. *Lomonosov Psychology Journal*, 2(46). <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

А.Г. Асмолов:

Дорогие друзья!

Мы обладаем возможностью еще раз встретиться с Алексеем Николаевичем Леонтьевым в его разных образах и разных ипостасях. В одной из своих небольших заметок-рефлексий, посвященных беседам с Владимиром Тендряковым, Алексей Николаевич говорит: «Когда-нибудь надо будет написать завещание и пояснить смысл

своих работ¹». При этом он также неоднократно замечал, что в жизни необходимо «оглянуться», «остановиться» и решить особую «задачу на смысл».

Обсуждение такой даты, как 120-летие со дня рождения А.Н. Леонтьева — это приглашение к осмыслению разных решений задач на смысл каждым, в чьем сознании живут идеи А.Н. Леонтьева. И подготовленные для юбилейного выпуска журнала *Вестник Московского университета* статьи — это и есть решение разных задач на смысл, поставленных теми, кто согласен с А.Н. Леонтьевым или кто продолжает с ним яростный диалог и спор.

Но каждый раз спор с А.Н. Леонтьевым — это доказательство полисемантической природы подхода А.Н. Леонтьева: его жизни и его исследований. Поэтому для каждого — свой Леонтьев. Каждый продолжает диалоги с А.Н. Леонтьевым в своей собственной личной жизни и в своей научной биографии. Поэтому, если мы в преддверии выпуска нашего журнала скажем несколько слов о том, какой смысл для каждого имеют идеи и личность А.Н. Леонтьева, мне кажется, это будет и ценно, и важно, и понимаемо. Это поможет найти «общие психологические подлежащие» — вспомним Л.С. Выготского в беседах об А.Н. Леонтьеве.

Д.В. Ушаков:

Подхватывая идею, какой смысл имеет А.Н. Леонтьев для нас сегодня, я бы сказал о двух сторонах: одна — научная, другая — социально-личностная.

Научная сторона такая. Исходный корень психологии немецкий — это психология, которая пыталась создать общую концепцию человека. С определенного момента появился конкурирующий проект — американский. Он прикрывался именем бихевиоризма, но фактически прелесть бихевиоризма состоит не в отбрасывании сознания, а в том, что науку можно поставить на конвейер: один делает одну деталь, ставит на конвейер, следующий к ней что-то приделывает и так далее. Таким образом строится хорошая технологичная экспериментальная психология. И эта хорошая технологичная экспериментальная психология, в том числе в результате социальных событий — прихода в Германии к власти Гитлера, Второй мировой войны и т.д. — постепенно стала мейнстримом, стала господствовать

¹ «Самозавещание» (А.Н. Леонтьев, настоящий номер *Вестника Московского университета*. Серия 14. Психология).

в мировой психологии, оставляя лишь осколки исходного немецкого корня.

Таким осколком была и отечественная психология. Алексей Николаевич — один из тех людей, кто закладывал основы нашей психологии. Его идеи — это *идеи целостные*, целостного представления о человеке. Сегодня этап конвейерной науки — замечательной и четкой — тем не менее подходит к своему логическому завершению, потому что она приводит к образу *фасеточного человека*. То есть к такой ситуации, когда мы имеем множество, сотни видений человека, но не имеем одного видения. Мы сейчас находимся у предела, когда возникают проблемы, например, для разработки макропсихологии или для совмещения с тем, что делает искусственный интеллект. Во всех случаях нужно целостное видение. Поэтому сегодня мы опять нуждаемся в целостных концепциях, и классические отечественные работы наполняются новым смыслом.

Социальная или личностная сторона связана с таким понятием, как интеллигенция. Факультет психологии в советское время был социальной машиной по производству интеллигенции. На факультет поступали люди из городов и весей, из различных слоев общества, а заканчивали интеллигенты. Интеллигенция — это, на мой взгляд, такой слой, который, в отличие от интеллектуалов, не просто перерабатывает информацию, а переживает, создает смыслы или эмоционально размечает интеллектуальное поле.

А.Н. Леонтьев обладал способностью *интеллектуального обольстителя*. Он умел обольщать интеллектуальными проблемами и через это создавать эмоционально насыщенное интеллектуальное поле. Интеллигенция есть там, где существует господствующая идеология, и как то, что по отношению к этой господствующей идеологии занимает позицию внутреннего противостояния. Алексей Николаевич обладал способностью говорить такие вещи, которые, с одной стороны, вроде могли подходить под господствующую идеологию, но, с другой стороны, указывали на некоторые тайные, почти эзотерические смыслы. Тем самым создавалось *поле напряжения*, которое всасывало людей, втягивало в интеллектуальную среду. Благодаря силе интеллектуального обольщения А.Н. Леонтьева, его втягивающему полю создалась интеллектуальная атмосфера и возможность порождения новых разнообразных идей на факультете. Сейчас, конечно, обстановка совершенно другая. Сейчас мы это перестаем чувствовать, мы чувствуем по-другому. Но потребность в интеллек-

туальном обольщении по-прежнему очень велика, поскольку без него нет настоящей науки.

Поэтому А.Н. Леонтьев всегда больше того, что им написано, он тот, кто смог разжечь большое интеллектуальное пламя.

А.Г. Асмолов:

Дмитрий Ушаков выделил невероятно важные вещи: Леонтьев как представитель мира интеллектуальных обольстителей, а тем самым, постановщик проблем. Это намного шире, чем тот Леонтьев, с которым связывается деятельностный подход. При этом надо четко понимать, что сам Леонтьев часто говорил: «Да нет у меня деятельностного подхода, за меня эти слова произносят. Я просто ищу метод познания мира через нахождение тех или иных ценностных систем координат». В этом смысле сказанное очень точно: Леонтьев за пределами деятельностного подхода — это огромное поле смыслов.

Б.С. Братусь:

Воистину — человек уходит, а следы его остаются. Они остаются от любого, но часто очень быстро стираются суетой. Однако когда речь идет о таком крупном человеке и ученом, как Алексей Николаевич Леонтьев, то мы видим, что следы его деятельности остаются надолго, продолжаясь тропами и дорогами уже современного нам движения бытия.

Д.А. Леонтьев:

Смысл как след деятельности в опыте, как говорила Е.Ю. Артемьева.

Б.С. Братусь:

Спасибо, не удивлен, что мы оцениваем комплементарно. И чем дальше мы отходим от этой фигуры, тем больше она предстает целостной, очищенной от временных наслоений. Согласен с Дмитрием Ушаковым, который говорил о двух взаимосвязанных линиях рассмотрения — *социальной и научной*.

Если говорить о первой линии, то я бы повторил, что Алексей Николаевич сделал, казалось бы, невозможное — в номенклатурное и жесткое советское время он создавал на нашем факультете достаточно свободную университетскую атмосферу. Несмотря на физическую сублидность (не телосложение, а, скорее, теловычитание) у

Леонтьева была «широкая спина», за которой мы могли заниматься весьма разнообразной тематикой.

Недаром было сказано и слово «обольщение». Иначе трудно понять, как он, с его выразительно интеллигентными манерами, лицом, речью, утрированными жестами мог улаживать хитрые бюрократические дела, ходить в ЦК КПСС, добиваться своего у чиновников, умело переигрывать их. Как заметил однажды Дмитрий Леонтьев, — грань между номенклатурными интересами и интересами науки проходила по самому Леонтьеву или, как говорил Артур Владимирович Петровский, «он все время чувствовал, что за ним — пограничная полоса, что за ним — психология, которую надо защищать» (цит. по: Соколова, 2003, с. 26). Оставаясь душой на стороне науки, он безошибочно чувствовал, когда и в чем необходимо уступить сейчас партийно-чиновничьему миру. Делал он это внешне изящно, легко, как человек, настолько владеющий приемами игры, что способен был даже получать удовольствие от ее процесса. Этакое построение интриги в духе Дюма. Недаром Галина Михайловна Андреева сказала как-то, что «ему очень шел французский язык» (Леонтьев хорошо знал французский и любил Францию).

Теперь немного о научной стороне. Действительно, хорошо помню, что на последних заседаниях кафедры в разговорах с сотрудниками Алексей Николаевич говорил о том, что хотел бы успеть написать книгу, где разъяснит действительную суть того, что он хотел сказать в своих научных работах, дать объяснение их общего сквозного смысла — того, что *за ними* стоит.

К сожалению, этого Алексей Николаевич не исполнил. И вполне понятно почему: множество неотложных дел факультета, создание Института психологии в системе Академии наук, поддержание международных связей, проведение съездов, конгрессов и прочее.¹

Кроме того, не будем забывать, что развитие психологии в советский (в данном случае Леонтьевский) период — это бег если не в кандалах, то в мешках — скованный и ограниченный. Как говорил

¹ Откладывание на потом оформления метафизического и смыслового итогов касается большинства ушедших от нас гигантов, начиная с Л.С. Выготского, не говоря уже о череде их современных последователей. Замечательным исключением является вышедшее недавно собрание сочинений Виктора Михайловича Аллахвердова (Аллахвердов, 2021), в котором последний том, целиком посвящен смысловой рефлексии своей научной жизни, исполненной в свободной и вальжной форме, с отступлениями в философию, культурологию, историю. Да послужит этот опыт благим примером для остальных собратьев по психологическому цеху.

Петер Тульвисте в своих воспоминаниях о Леонтьеве, — «его способ жизни был парадоксален: с одной стороны, это человек, который мыслил настолько свободно, насколько вообще может быть, а с другой стороны, в жестких рамках, которые были поставлены и насколько я знаю, он из этих рамок не выходил (это идеологические рамки того времени)» (Тульвисте, 2003, с. 178). В.П. Зинченко как-то специально сравнивал тексты, написанные Леонтьевым в одно и то же время для себя и для печати: «Это два разных человека. Один официальный, другой — думающий и свободный» (Зинченко, 2003, с. 177).

Беру на себя смелость сказать, что едва ли не центральной темой для Леонтьева всегда была психология личности. Но она, как известно, требует свободных нравственных размышлений, не терпящих идеологических кандалов. В письме к Л.С. Выготскому в 1932 г. он писал о личности как субъекте развития, предлагал ставить вопрос об исследовании «псих[ологической] культуры личности (свободы!) и отсюда этические проблемы» (Леонтьев А.Н., 2003, с. 134, сохранены выделения автора).

«Но, — комментирует это место письма Алексей Алексеевич Леонтьев, — эти проблемы вскоре вошли в нашей стране в черный список. И только в записных книжках и в отдельных фразах, прорвавшихся в публикации самых последних лет жизни, мы встречаем волнующую Леонтьева проблему личности не как объекта формирующих воздействий, но как активного, свободного и ответственного субъекта собственного развития» (Леонтьев А.А., 2003, с. 33–34).

Приведу в заключение одну из таких «прорвавшихся в публикации фраз». Это дневниковая запись от 8 августа 1974 года, публикуемая в этом выпуске журнала¹: «Психология личности есть психология **драматическая**. Подпочва и центр этой драмы — борьба *жизни* личности против своего духовного разрушения. Это борьба исторически не уничтожается, никогда не прекращается. Суть в том, что существуют эпохи ее заострения. Сейчас мы вступаем (вступили?) в такую эпоху».

Слова, согласитесь, написанные словно сегодня. Дело за малым — за конкретным осуществлением того направления психологии личности, для которого духовное возрождение и спасение, равно как борьба против духовного разрушения и гибели станет центральной, смыслообразующей, теоретической и практико-ориентированной задачей.

¹ «Самозавещание» (А.Н. Леонтьев).

А.Г. Асмолов:

Борис Братусь блестяще сказал об очень многих вещах. О том, что А.Н. Леонтьев подарил многим из нас не просто идеи, а пользуясь термином Александра Владимировича Запорожца, — внутреннюю моторику, которая передавала наш смысл в наших движениях, те ценностные установки, которые делают нашу личность.

Е.В. Битюцкая:

Обсуждаемая в наших диалогах тема *научной и социальной линий* для меня тоже важна. Хотя у меня нет личных воспоминаний, но есть личностные смыслы: я знакома с Алексеем Николаевичем через «рукопожатия» кафедры общей психологии МГУ, к слову, — крупного детища и «следа» Алексея Николаевича. Для меня он незримо присутствует рядом каждый раз, когда на кафедре проводится научное обсуждение. При этом тема *«Для каждого — свой Леонтьев»*, о которой говорил Александр Григорьевич, явно звучит. Почему это так? Вероятно, потому что общепсихологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева — это теория верхнего, фундаментального уровня, которая дает возможность строить на ее платформе теории, предполагающие проверку гипотез эмпирическим путем (Корнилова, 2023). В результате каждый, кто разрабатывает верифицируемую теорию на основе теории верхнего уровня, предлагает свои осмысления в контексте изучаемого предмета.

Ярким примером является *«образ мира»* — одна из самых поздних концепций А.Н. Леонтьева, в рамках которой ставится проблема восприятия объективного мира (Леонтьев, 1979). Это понимание развивается в серии работ учеников и последователей А.Н. Леонтьева, которая активно пополняется до сих пор. Перечислю лишь некоторые имена: оригинальное развитие идей образа мира в разное время представили С.Д. Смирнов, В.П. Зинченко, Г.М. Андреева, Е.Ю. Артемьева, А.Г. Асмолов, В.В. Петухов, Ф.Е. Василюк, А.Н. Поддьяков...

Отмечу, что А.Н. Леонтьев подчеркивал значимость развития *«жизненной психологии»*, и *«образ мира»* эвристичен для современной психологии жизненных ситуаций, потому что дает возможности:

1) изучать личность в живом взаимодействии с ситуацией и тем самым решить проблему дихотомии диспозиционных и ситуационных детерминант поведения, поскольку образ мира и есть та основа, которая объединяет эти факторы;

2) разработать «интегральное описание ситуации» (оборот Н.В. Гришиной¹), большая потребность в котором имеется в современной психологии;

3) учесть «культурный контекст и особенности активности субъекта познания при построении его представления о реальности» (Дорохов, Гусев, 2019, с. 55);

4) рассмотреть изменения образа или динамику, которая может пониматься как «встречное движение» субъекта навстречу стимулам (Смирнов, 1985), как «живое движение» и внутренняя картина действий (Зинченко, 1991), как изменения в образе мира в результате социальных изменений (Андреева, 2013).

Если мы говорим о целостном, системном анализе взаимодействия «человек—ситуация», то что является системообразующим фактором? Поиск ответа на этот вопрос позволяет увидеть оригинальность и дальновидность подхода А.Н. Леонтьева. Например, при изучении стрессовых ситуаций в мировой психологии зачастую акцент делается на копинг-стратегиях как непосредственных поведенческих и когнитивных ответах/реакциях на стрессовый стимул. При этом копинг-поведение рассматривается как центральный фактор психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и т.п. Но если описать взаимодействие человека и трудной ситуации в опоре на концепцию образа мира, то мы получаем многоуровневую структуру, содержащую: а) систему представлений человека о мире и себе в мире (которую можно сравнить со своеобразной призмой, сквозь которую человек смотрит на жизненные ситуации), б) опосредствованные культурой модели преодоления трудных ситуаций («присвоенные» и имеющиеся в опыте), в) компоненты актуального образа (включая чувственные образы, значения и личностные смыслы относительно ситуации). Также становится возможным описание динамики образа и тех компонентов, которые остаются относительно стабильными. При таком ракурсе представления о копинг-стратегиях встроены в *целостный образ* ситуации, само же совладание с трудностью оказывается следствием функционирования этого образа. Прогностическое значение имеет «поведение» системы, а не копинг-стратегии сами по себе. А системообразующим фактором являются личностные смыслы и связанные с ними цели человека.

¹ Н.В. Гришина отмечает: «Ситуация как регулятор активности человека скорее требует целостных, интегральных описаний. Человек реагирует на возникающий у него целостный образ ситуации, который становится основой ее понимания и, соответственно, определяет поведение человека» (Гришина, 2022, с. 180–181).

Наши опросы на больших выборках показывают, что люди, описывая содержание воспринимаемой трудной ситуации, говорят не столько о событийном контексте и внешних условиях, сколько о внутренних переживаниях. Многие из этих описаний можно отнести к «задачам на смысл» (А.Н. Леонтьев) и «поиску смысла» (В. Франкл), переживанию «невозможности реализовать внутренние необходимости» (Ф.Е. Василюк).

Образ мира как система, определяющая оптику субъективного восприятия ситуации, позволяет сместить исследовательские акценты с «совладающего поведения» на изучение того, что опосредствует взаимодействие личности и ситуации — образ ситуации в сознании человека. Отчасти в этом состоит целостность подхода и прогрессивность «образа мира» А.Н. Леонтьева.

А.Г. Асмолов:

Весьма значим ход, связывающий деятельностный подход со стратегиями совладания и жизненными ситуациями. Встает вопрос о связи подобных стратегий с образом мира. И это, на мой взгляд, весьма оригинальная перспектива исследования. Будущее покажет.

Я буду благодарен, если вдруг у Дмитрия Леонтьева родилась возможность лаконичной рефлексии.

Д.А. Леонтьев:

Все сказанное было о разном. Я попробую замкнуть тем, с чего начинали, а именно: вернуться к смыслу, к тому, что нет деятельностного подхода как такового, а есть что-то другое, есть поиск ответов на вопросы. *У каждого времени — свои вопросы.* Соответственно, в каждое время смысл этих поисков тоже меняется, потому что *меняются контексты.* В те времена, когда эта теория строилась, она имела один смысл. Сегодня она имеет другой смысл, потому что контекст сегодня другой, чем 50 лет назад, когда эта теория создавалась и развивалась. Тогда она отвечала на одни вопросы, сейчас она отвечает уже на другие вопросы. Вопросы изменились, мир изменился. Тексты остались теми же, а контексты изменились. Личностный смысл определяется, как известно, контекстом.

Какой правильный ответ на вопрос о «задаче на смысл» в теории Алексея Николаевича и в контексте его идей? Говорим ли мы про тот смысл, который она имела тогда, когда она создавалась или сегодня, когда мы это читаем и обсуждаем? И тот и другой смыслы — реальны. И тот и другой смыслы — существуют.

Если мы претендуем на обоснование того, что этот подход и сегодня актуален, нам надо говорить про его смысл в контексте сегодняшних вопросов, сегодняшних контекстов. Что означает «в современном мире»? Мир очень сильно изменился, это уже не мир больших теорий, не мир глобальных споров.

Я писал в свое время про *закрытый перелом*, который отделяет современную психологию от несвоевременной (Леонтьев Д.А., 2018). Я нигде в литературе не встречал описания этого явления — того, что примерно в начале 1970-х годов все в психологии радикально изменилось. И в частности, главное изменение, которое произошло тогда, — это то, что раньше психология структурировалась по школам, был период феодальной раздробленности. Каждая научная школа была самодостаточна: в ней был свой язык, своя иерархия, своя система социализации. Начиная с 1970-х годов происходит размывание границ между школами и выход на единые общие критерии, единую общую систему, единые общие иерархии, единые общие оценки, единый общий язык. По сути дела, любые концепты и понятия мы можем отличить: относятся ли они к допереломному периоду или послепереломному периоду. В допереломный период любое понятие «работает» и имеет конкретный смысл только в рамках школы. В послепереломном периоде оно важно, нужно всем исследователям, независимо от того, где и с кем они работают. И если я хочу, чтобы то, что я сделал, было важно и имело смысл сейчас и сегодня, я должен стараться, чтобы оно имело смысл не только для тех, с кем я работаю и с кем мы априори друг друга хорошо понимаем изначально, а для всех. Сейчас так устроена наука, после 1970-х годов. Это и есть то, что называется «современная психология». Поэтому, рассказывая за рубежом про идеи Алексея Николаевича, про теорию деятельности, я пытаюсь найти то, что это дает для современного сегодняшнего мира. Единственный вариант, в котором теория деятельности оказывается совершенно несъедобна — это в собственном соку.

Обнаруживаются удивительно интересные переключки с теорией потока М. Чиксентмихайи (Чиксентмихайи, 2011) — единственной теорией счастья, которая рассматривает *счастье как порождение деятельности*. Переключки с теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, которая сейчас является «общим местом» в мировой психологии — я уже писал про параллели между континуумом внутренней—внешней мотивации в теории самодетерминации и идей личностного смысла у А.Н. Леонтьева (Леонтьев Д.А., 2016а).

Говоря о роли этих идей сегодня, мы должны прийти к сегодняшнему контексту и должны по сути дела пересоздать, переписать заново деятельностный подход, перенеся его из того контекста, в котором он создавался, в контекст сегодняшнего дня. И тогда мы будем поняты и сами поймем то, что сейчас делается, через призму этого подхода. То есть должны быть ответы на те вопросы, которые поставлены не нами, поставлены позже, ставятся сейчас. Алексей Николаевич *предвосхищает те вопросы, которые ставятся сегодня*. И в этом значение подхода. В частности, этот подход составляет важную часть *функциональной парадигмы* последних десятилетий — системы взглядов, исходящих из первичности взаимодействия с миром и непрерывности изменений, в противоположность аристотелевской парадигме, ставящей во главу угла неизменные сущности вещей (Леонтьев Д.А., 2016б). А.Н. Леонтьев отвечал на вопросы свои, но эти идеи отвечают и на вопросы другие, на вопросы сегодняшние. Это то, что мне кажется самым главным.

А.Г. Асмолов:

Друзья, было бы сейчас наивно, если бы я сказал: «а теперь подытожим». При обсуждении Алексея Николаевича Леонтьева сама характеристика «подытожим» бессмысленна. В связи с этим и к нашим обсуждениям, и к предлагаемому Вестнику полностью относится замечательная фраза польского мыслителя и мастера афоризмов Ежи Леца: «Канонизация убивает в моих глазах человека, которого я мог бы считать святым». И то, что мы обсуждаем, доказывает: Леонтьев был беспредельно земным мастером понимания мира. И его уникальность — в его незавершенности, как сейчас было сказано всеми нами. Его уникальность — в том, что он был мастер искусства понимания сложности мира.

Сегодня хотелось бы сделать шаг к тому, чтобы хоть в какой-то степени уменьшились барьеры между разными научными школами и приостановился драматичный процесс превращения исследователей в «пограничников», оберегающих вотчины своих школ. Опасно, когда научные школы вырождаются в секты и, как точно заметил Дмитрий Леонтьев, начинают «вариться в собственном соку».

А.Н. Леонтьев, будучи мудрым политиком, играл с «системой» и отстаивал свободную психологию в мире несвободы. Он владел эзоповым языком и умел вести диалоги с «административными людьми системы» из мира несвободы. Именно поэтому важно вспомнить, как

благодаря поступкам Леонтьева в истории нашей науки сохранялись школы, имеющие иные позиции. Приведу лишь несколько примеров.

Первое событие. Начало 1950-х годов: попытка уничтожения школы психологии установки Дмитрия Николаевича Узнадзе. Обращение государевых людей к Леонтьеву с предложением дать идеологическую критику школы Узнадзе. В ответ на это предложение Леонтьев делает все, чтобы школа Узнадзе продолжила существование. Он не выполняет прямого указания Жданова о том, что должен быть произведен разгром школы психологии установки. После этого, как рассказывала мне Маргарита Петровна (жена А.Н. Леонтьева), он собрал вещи, сидел и ждал, чтобы быть готовым, когда за ним придут.

Второе событие. Леонтьев, когда создавался факультет психологии, сделал все, чтобы появились два факультета, вместе, одновременно, в один день. Леонтьев и Лурия, беседа с Ананьевым и Мясищевым, сделали все, чтобы появился факультет психологии Ленинградского университета.

Третье событие. В нашей психологии часто говорят об оппозиции между школой Сергея Леонидовича Рубинштейна и Алексея Николаевича Леонтьева. Между ними не раз были дискуссии. Леонтьев не был святым. Я еще раз подчеркиваю, что в истории этих дискуссий было разное. Но только что Екатерина Битюцкая говорила о трудных жизненных ситуациях как ситуациях невозможности, развивая идеи Федора Ефимовича Василюка. Я приведу лишь одну из таких ситуаций, которая произошла за неделю-две до 21 января 1979 г. (его ухода из жизни), когда я был в больнице у Алексея Николаевича.

Когда он очнулся после некоторого забытья, он поглядел на меня и сказал: «Понимаете (он всегда говорил на Вы, обращаю на это внимание) как сейчас важно осознать, что произойдет с факультетом психологии. Для этого мне бы очень важно было поговорить с тем, кто это четко понимал: ради чего появляется психология. Мне бы очень хотелось переговорить и услышать ответы на эти вопросы от Сергея Леонидовича Рубинштейна». Эти слова были произнесены буквально за 8–10 дней до его ухода из жизни.

Нам важно сохранить неканоничность и незавершенность идей Алексея Николаевича Леонтьева. Подготовленный Вестник порождает (повторяю слова Дмитрия Ушакова) *поле смыслов* и оставляет всех — в год 120-летия Алексея Николаевича Леонтьева — в ситуации феномена Зейгарник, в ситуации «эффекта прерванного действия» деятельностного подхода.

Литература

- Аллахвердов В.М. Собрание сочинений: в 7 т. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
- Гришина Н.В. Самоизменения: ситуационные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, № 2. С. 172–185. doi: 10.21638/spbu16.2022.206
- Дорохов Е.А., Гусев А.Н. О возможности изучения ментальных моделей пользователей компьютера: от когнитивных карт к образу мира // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2019. № 3. С. 47–65. doi: 10.11621/vsp.2019.03.47
- Зинченко В.П. «Да, очень противоречивая фигура» // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 162–179.
- Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Корнилова Т.В. Экспериментальная психология: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2023.
- Леонтьев А.А. Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. М.: МГУ им. Ломоносова, 2003.
- Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
- Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности. Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Н. Соколовой. М.: Смысл, 2003.
- Леонтьев Д.А. «Закрытый перелом» 1970-х как веха в истории научной психологии. История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей / Под ред. И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой, В.А. Лекторского, Е.О. Труфановой, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко: в 6 т. Т. 3. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2018.
- Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2016а. № 2. С. 3–18.
- Леонтьев Д.А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016б. № 3. С. 3–15.
- Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Издательство Московского университета, 1985.
- Соколова Е.Е. А.Н. Леонтьев и его время глазами очевидцев // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 1. С. 22–29.
- Тувльвисте П. Удовольствие от интеллекта // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 175–180.
- Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина Нон-Фикшн, 2011.

References

- Allakhverdov, V.M. (2021). Collected works in seven volumes. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.).
- Andreeva, G.M. (2013). An image of the world or the real world? *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 3, 33–43. (In Russ.).
- Grishina, N.V. (2022). Self-changes: situational determinants. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology)*, 12 (2), 172–185. doi: 10.21638/spbu16.2022.206 (In Russ.).
- Dorokhov, E.A., Gusev, A.N. (2019). On the possibility of studying computer users's mental models: from cognitive maps to the "image of the world". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. (Moscow University Psychology Bulletin)*, 3, 47–65. (In Russ.).
- Zinchenko, V.P. (2003). Yes, a very controversial figure. *Psikhologiya v vuze (Psychology at the University)*, 1–2, 162–179. (In Russ.).
- Zinchenko, V.P. (1991). Worlds of consciousness and the structure of consciousness. *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 2, 15–36. (In Russ.).
- Kornilova, T.V. (2023). Experimental psychology (1st part). M: Yurait. (In Russ.).
- Leontiev, A.A. (2003). The life and creative path of A.N. Leontiev. M.: MGU im. M.V. Lomonosova. (In Russ.).
- Leontiev, A.N. (1979). Psychology of the image. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 3–13. (In Russ.).
- Leontiev, A.N. (2003). Formation of psychology of activity. Early works. In A.A. Leontiev, D.A. Leontiev, E.N. Sokolova (Eds.). M.: Smysl. (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2018). The "Closed fracture" of 1970s as a milestone in the history of scientific psychology. In I.T. Kasavin, T.D. Sokolova, V.A. Lectorsky, E.O. Trufanova, V.A. Mazilov, V.F. Petrenko (Eds.), *History and philosophy of science in the era of change*, 3 (pp. 56–59). M.: Izd-vo "Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk". (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2016a). A.N. Leontiev's concept of motive and the issue of the quality of motivation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 3–18. (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2016b). Existentialist approach in the contemporary psychology of personality. *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 3, 3–15. (In Russ.).
- Smirnov, S.D. (1985). Psychology of the image: the problem of the activity of mental reflection. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Sokolova, E.E. (2003). A.N. Leontiev and his time through the eyes of eyewitnesses. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 24 (1), 22–29. (In Russ.).
- Tulviste, P. (2003). Pleasure from intelligence. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of a Practical Psychologist)*, 1–2, 175–180. (In Russ.).
- Csikszentmihalyi, M. (2011). *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. M.: Smysl; Alpina Non-Fiction. (In Russ.).

Поступила: 30.01.2023

Получена после доработки: 12.02.2023

Принята в печать: 07.03.2023

Received: 30.01.2023

Revised: 12.02.2023

Accepted: 07.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Григорьевич Асмолов — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, agas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2319-398X>

Екатерина Владиславовна Битюцкая — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, bityutskaya_ew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6117-1063>

Борис Сергеевич Братусь — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; декан факультета психологии Российского православного университета святого Иоанна Богослова, kop-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9890-2667>

Дмитрий Алексеевич Леонтьев — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, dmleont@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

Дмитрий Викторович Ушаков — доктор психологических наук, профессор, академик РАН, заведующий кафедрой общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; директор Института психологии Российской академии наук, kop-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9716-1545>

ABOUT THE AUTHORS

Alexander G. Asmolov — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Member of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, agas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2319-398X>

Ekaterina V. Bityutskaya — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, bityutskaya_ew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6117-1063>

Boris S. Bratus — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Correspondent member of the Russian Academy of Education, Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Dean of the Faculty of Psychology, St. John Russian Orthodox University, kop-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9890-2667>

Dmitry A. Leontiev — Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, dmleont@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

Dmitry V. Ushakov — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University; Director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, kop-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9716-1545>